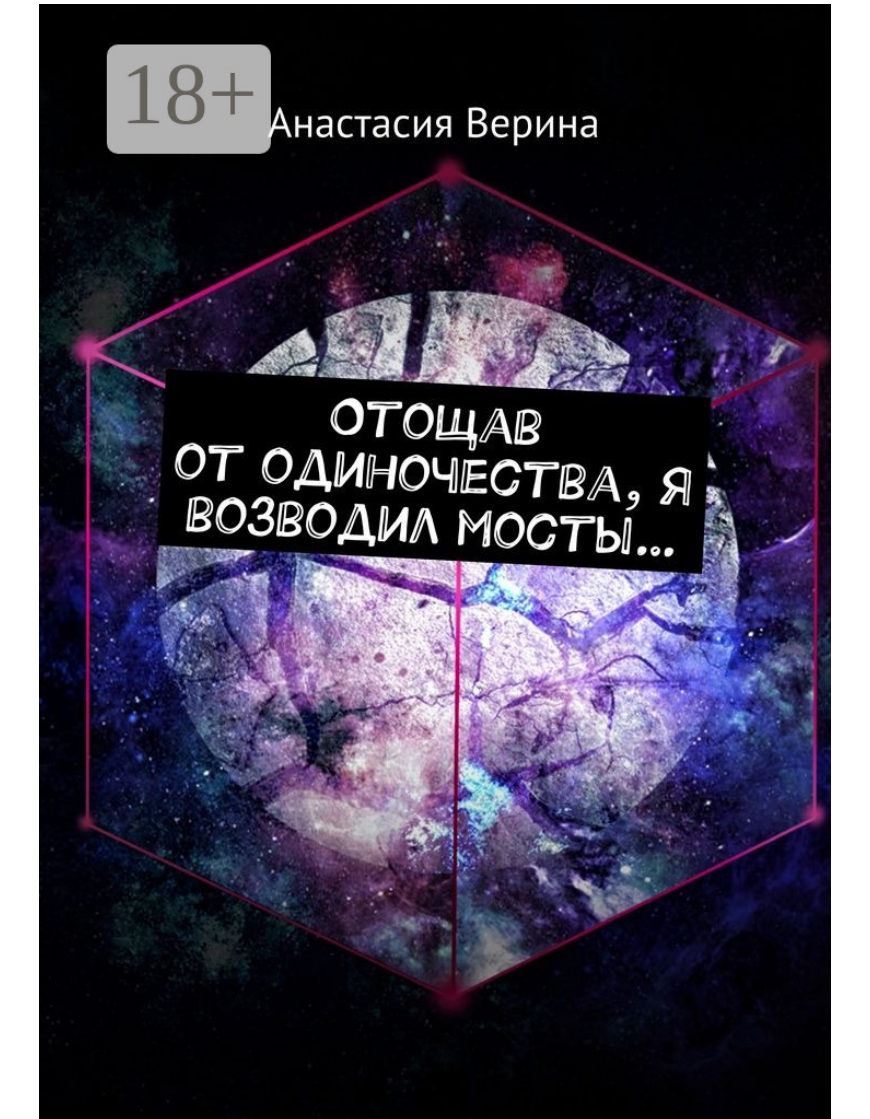

18+

Анастасия Верина

ОТОЩАВ
ОТ ОДИНОЧЕСТВА, Я
ВОЗВОДИЛ МОСТЫ...

Анастасия Верина
Отощав от одиночества,
я возводил мосты...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32493369
ISBN 9785449074225

Аннотация

Здесь собраны все работы, передающие мои чувства и эмоции за этот год. Вы можете окунуться в них, прочитав всё: и стихи, и рассказы, отражающие меня.

Содержание

Монстр	5
Море	6
Отощав от одиночества, я возводил мосты	7
У этой осени...	11
Мне нужен кто-нибудь, чтобы сгореть	12
А вам знакомо чувство, когда хочется плакать...	13
Пустота	15
Если я мёртв...	17
Могила светлячков 2	19
Глава первая. Некоторые цветы никогда не тянутся к звёздам	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

**Отощав от одиночества,
я возводил мосты...**
Анастасия Верина

© Анастасия Верина, 2018

ISBN 978-5-4490-7422-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Монстр

Крематорий мыслей, заполняемый собственной кровью, рождённый из прикосновения к изголовью. Пусто. Жизнь, как искусство, тоска уже горло прогрызла, а я пишу эти строки, чтобы показаться самой себе чуть менее одинокой. В рёбрах монстр – он один, питается собственной плотью, острит и самоотверженно пьёт глицин: ему тоже бывает грустно, порой он даже не спит. Он качается на верёвках из нервов, всегда во всём старается быть первым, а потом мастерски изображает из себя жертву. Он любит громкую музыку, играющую в висках, и совсем чуть-чуть потерялся в своих грехах. У него холодные руки, поджигающие кислород, и печальные глаза, встречающие небосвод. Живёт от дела к делу и химерически стремится к пределу. Маргинальный отшельник, начинающий жизнь в понедельник. Он живёт внутри, скрывается часто, но посмотри, может быть, это ты?

Море

Наши руки сплетаются в печальное море,
Что хоронит в пучине наши мечты.
Все наги и безвольны, воспитаны горем —
Картины поэзии давно уж темны.
Твои вены, как реки, рисуют картины,
А я, словно зритель, ищу окончание
Наших волн и стихов, что так же старины,
Как вопрос в тишине и молитвы молчанье.
Я сплетаю ключицы, где растёт обещание
О величестве море и потере штормов.
Наше море будет гимном молчания
И предводителем кучи мостов.

Отощав от одиночества, я возводил мосты

Отощав от одиночества, я возводил мосты.

К тебе,

К пленительной странице красоты,

К хронически звучащей пустоте,

К себе.

Я видел, как теряет свет душа,

Как музыку чужую сокрушат.

Я наблюдал, как летят в полёте гневном

Слова,

Фразы,

Подвиги,

Оживающие с языка плачевно.

Для людей я скинул кожу и оплёлся мишурой

Наглости и человечности драгой.

А где-то в клетке рёбер лежит мёртвая семья:

Чувства,

Эмоции,

Принципы и, конечно,

Я.

Это поколение давно мертво,
Полно стереотипов и страданий.
В мире, где не ценят существо,
Главенствует лишь принятие расстояний.
Границы в жизни, границы в голове —
Твой мозг гниёт под чутким руководством.
Границы даже в пустоте —
Люди становятся уродством.
Владенье маской – верх искусства
Для тех, кто одинок внутри.
Их сгрызёт простое чувство —
Это одиночество, смотри.

Лунный свет, словно из фонарика случайного прохожего, проникает в моё окно. Мы сидим рядом, чувствуя дыхание друг друга, слушая слезливые песни, и в комнате темно. Чашка чая наполнится грустью – у меня странное предчувствие. Дежавю.

Твои ключицы похожи на птицу, летящую ввысь, а руки холоднее любого мороженого. Звуки музыки всё лились, вырисовывая картины в голове, а перед нами лежал старый альбом с потёртыми краями и жёлтыми листами, будто бы уничтоженный.

Мир на бумаге – вселенная в голове, что-то странное и почестней. Творцы живут не в нашем мире, словно бродяги, они идут туда, где смогут скоротать свой век потеплей.

Ты дышишь часто – этот звук напоминает мне шум моря, когда мы были молоды и ещё не проданы горю. Я прикрываю глаза – и мне чудится берег. Всё взрывается счастьем и подыгрывает радостной атмосфере.

Я тихо скажу тебе: «Привет, я твой мольберт». Я улыбнусь самой себе.

Ты ответишь мне: «Привет, я твой повод жить». Ты подожжёшь сигарету и начнёшь курить.

В дыме начнут расцветать поля эдельвейсов.

Я – девочка, что утонула в своей же голове, ты – глупый художник. Мы оба – обычный жизни заложник.

Под утро кто-то перережет горло ночной тьме, а из её ран появится солнце.

Этот сон был приятен и, безусловно, осознан.

У этой осени...

У этой осени взгляд одинокий,
В кости въедается александрит.
Мрак расползается строгий, голодный —
Сознание грусти ему не убить.
У этой осени взгляд отчуждённый,
Люди на улице – бомбы в домах.
Страх осознанный и возвращённый,
Грустный танец на горящих углях.
У этой осени взгляд обречённый,
Поникший под тяжестью прожитых лет.
Отчаяние – страшное, голод – врождённый,
А в лёгких у осени акации цвет.

Мне нужен кто- нибудь, чтобы сгореть

Эй, ты слышишь, мне нужен кто-нибудь, чтобы сгореть:
Расплавить кожу,
лёгкие,
голову,
Разливать сомнения, будто олово,
Жить амплитуду любви и страха долгого.
Эй, мне нужен кто-нибудь, чтобы сгореть:
Собирать свой пепел,
Остатки людского,
Запирать свою душу в склепе,
А потом загонять себе крест в землю числа так седьмого.
Мне нужен кто-нибудь, чтобы сгореть:
Проливать много слёз,
Проклинать небеса,
И потом, приходя на утёс,
В громких строчках себя описать.
Мне нужен кто-нибудь, чтобы сгореть:
Умертвить пустое нутро,
Залечить кислород,
Посеять простое добро
И подорвать в одночасье.

А вам знакомо чувство, когда хочется плакать...

А вам знакомо чувство, когда хочется плакать, но молчишь?

Когда вдыхаешь судорожно воздух, а в одиночестве – кричишь?

Когда все люди кажутся отвратительно больны,
И, может быть, когда-нибудь мы будем все вольны.

Вы думали когда-нибудь пощупать одиночество?

И рассмотреть его, как давнее пророчество?

Вы знаете, у одиночества солёные глаза

И голубые щёки, бегущая слеза.

А боль, обратившись в листья, дышит небом,

И порой она бывает истинным для тебя светом.

Это ничего, ведь ты знаешь мягкость волос-рек,

Обнявшись с болью, тебя не покоробит напоследок «нет».

А есть смерть, которая горька на вкус.

Она вскрывает клетку рёбер, оставляя свой укус.

У смерти кожа тёмного болота,

А лёгкие заполнены горящим кислородом.

А ложь имеет томную фигуру и красивые глаза,

Из серебра снежинок выткана её душа.

У лжи зашиты губы красной нитью —

Не улыбнётся больше барышня с той прытью.

Ложь, боль, одиночество и смерть.

За что всё это нам, ответь?

Мы погружаемся во тьму, они кричат за правоту —

Но только глубже в пустоту.

И где-то там смеётся жизнь,

Сумев, конечно, голову прогрызть.

Пустота

Пустота, как сломленная птица, смотрит на меня своими
безумно грустным глазами,

Ломая, словно спички, мои кости под тяжестью душев-
ных мук.

Она росла во мне как будто бы веками,

Когда рвалась со скрежетом надежда познать звучание
молодости вслух.

Она сидела в клетке рёбер каждый раз, когда я лицезрел
проекцию своей же доброты,

Представленную лишь портретом злости в оттенках отрече-
ния.

И, сидя с ней в клетке мыслей, с шатким обличьем наготы,

Со звучанием эха и терпкости приятный тьмы достигали
единения.

Она была весомой тенью, съедающей мой мёртвый силуэт,

Играла разумом, не уступая горечи реальности кривой.

Я сразу ощущал пониклый запах сигарет

И дикое принятие того, что ничего не расцветёт весной.

И познавая себя, сидя в квадрате комнаты скитальцем, я
приходил в немое изумление,

А пустота шептала: «Ты только посмотри:

В рождении и смерти у всех людей присутствует смире-
ние —

Вы все с глубокой пропастью внутри».

Если я мёртв...

Если я мёртв, то развей меня прахом над Волгой —

Я буду думать о метафизике мира и ощущать покинутость
долго.¹

Заставь мои кости лететь, отражаясь метафорами об одиночество моря —

Они оплетут пониклый силуэт, находящий пагубное мироустройство и компанию горя.

Если я мёртв, то включи на моих похоронах Шопена, прочти весёлый стих, что я писал к тебе,

А потом уйди, оставив за собой сомненья, и равнодушие толпы ты уничтожь, как и в себе.

Если я мёртв, то я рад оставаться невысказанными словами, фразами, поступками,

Не опираясь на хроническое одиночество с уступками.

Я останусь отзвуком в твоём голосе, шрамом недосказанности на губах,

Запомню, как чувствовал себя живым, печально истосковавшимся по кислороду, на твоих руках.

Но, если я буду мёртв, ты выйди на улицу с моим сборником стихов в руках,

И прочти их так, как я бы никогда не прочитал: кратко,

¹ – раздел философии, занимающийся исследованиями первоначальной природы реальности, мира и бытия как такового **Метафизика**

быстро и в кусках.

Собирая прозу, словно опавшие листья, и завлекая слушателей, потерянных некогда в серости дней,

Ты будешь читать стихи мёртвого автора среди кучи
немыслящих и моря огней.

И если я всё-таки буду мёртв, то Расскажи моё имя по буквам
проходим:

Может оно колыхнёт и встревожит.

Могила светлячков ²

*И куда бы я не бежал,
Как тюрьма для меня сей холодный шар.
В этом зеркале мой кошмар,
И по всем остальным фронтам
Мир исправно трещит по швам.
pyrokinesis*

² Настроение рассказа пропитано творчеством pyrokinesis'a, чьи слова из песен можно найти в начале и в конце произведения.

Глава первая. Некоторые цветы никогда не тянутся к звёздам

За окном разгорался закат: ленивые облака, что клубились непонятными кучками на холсте неба, отдавали насыщенным красным оттенком, начинающимся от бордового и заканчивающимся ярко-алым, по причине этого у меня сложилось впечатление, будто бы кто-то изящно и на потеху всем перерезал небу горло. Деревья придерживались мёртвой тишины: их движения сводились только к лёгким покачиваниям из-за редкого дуновения ветра, а люди лишь изредка мелькали разноцветными пятнами сквозь грязное стекло окна моей комнаты. Наверное, мне давно уже стоило задуматься об уборке в квартире, однако же, я находил что-то невообразимо притягательное в том, чтобы жить в хаосе – всё-таки этот самый хаос идеально вторил всему тому, что происходило у меня внутри, где-то там, где люди находят сердце.

Я сидел на сильно выступающем подоконнике, как и делал это всегда: устроился, закинув согнутые в коленях ноги, рядом с собой разместил ещё горячий кофе и тонкий, с ажурной отделкой снаружи, скетчбук, а ноутбук, расположившийся на столе, воспроизводил композиции классиков, что создавало вокруг меня невероятную атмосферу отрешённости и уединения. Именно в такие моменты я любил

размышлять о жизни: насколько доволен тем, что я сейчас имею; насколько я чувствую себя потерянным, насколько меня втоптали в грязь, насколько ещё меня хватит. Насколько... А, к чёрту.

Кто-то наверняка скажет мне, что я типичный представитель непонятых подростков. Возможно, они будут правы, но, честно говоря, какое мне до них дело? Мой главный грех в том, что я получаю странное наслаждение от страданий. Я люблю эту боль, что с каждым днём сжигает меня дотла, оставляя спаленный город на руинах моего сознания; я жажду её, хоть и безумно устал ощущать огромную дыру где-то глубоко внутри себя, что разделяет каждый раз мою жизнь на «до» и «после». Я знаю, что когда-нибудь это состояние сожрёт меня. Я знаю, что когда-нибудь всё разрушится, а мне останется лишь прах прошлого. Возможно, ещё мой грех в том, что я не верю в Бога, хотя это утверждение довольно сомнительно само по себе.

Громкий звук закрывающихся дверей, которыми постоянно сильно ударяли, словно пытались пробить бетон вокруг, раздирает поток моих мыслей – грохот настолько жуткий, что мне кажется, будто пространство вокруг меня начинает вибрировать в причудливом танце. Атмосфера личной сказки нарушается, буквально распадется на глазах, когда я слышу оглушительный грубый голос: это отец, человек, которого я хочу не ненавидеть, но как-то не выходит. Забавно осознавать, что он только пришёл домой, но уже срывается в ис-

терике на ближних: на матери, на моей сестре, хотя та зачастую даёт ему отпор, даже на мне. Немного грустно, честно говоря, что люди привыкли переносить свои личные переживания и падения на близких людей, которые могли бы подарить крылья и щит в подобных ситуациях. Мой отец каждый раз превращался в личного демона, что разрушал всё, к чему прикасался, когда возвращался с работы. Но после всего этого был самым милым созданием на планете – а я помнил, я тщательно хранил в своей памяти, словно в драгоценной шкатулке, как он собственноручно каждый раз растаптывал хрупкие чувства моей матери. Моё сердце, как и сердца всех моих близких, покрывалось шрамами, которые никогда не дадут нам смотреть на мир по-другому.

Отпечаток прошлого – отпечаток в будущем.

Наверное, стоило давно им развестись, но человеческая натура удивительна в действительности: мы будем терпеть стойко и страстно, пока нам причиняют боль, пока наше сердце забивают клинками, потому что просто привыкли, а от привычки отказаться не хватает сил. Люди десятилетиями живут в несчастливом браке, а потом учат так же жить своих детей, взращивая эту привычку в неокрепших умах. Моя мать терпела это унижение постоянно, её ничего не держит рядом с этим человеком, однако она до сих пор рядом с ним. Я не могу её винить в этом. Жалость и грусть съедают меня живьём, когда я смотрю на неё, такую слабую и грустную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.